

ОБ УЧЕТЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ ПРИ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИИ

В существующих этимологических словарях, а также в специальной литературе, посвященной этимологиям отдельных слов, имеются по нескольку различных объяснений происхождения одних и тех же слов. При этом каждый автор опирается на ряд данных, подкрепляющих особенности фонетических явлений, словообразовательных формантов и семантической особенности рассматриваемого слова. Чем же объяснить тогда то, что и после рассмотрения этимологий отдельных слов различными авторами происхождение ряда слов все же остается или спорным, или явно неудовлетворяющим? Объяснить все это можно различными причинами. Одной из самых важных является то, что в ходе исторического развития слово, растеряв все генетические связи, оказывается одиноким, поэтому становится неясным его морфологический состав, т. е. что же в данном слове является корнем, суффиксом или префиксом и т. д. В связи с этим этимолог, помимо воли, кажущееся принимает за сущность явления. Так, например, до сих пор неясно, связано ли слово *артачиться* с *рот* < *рътъ* или *рыть* < *рътъ 'коньто', ср.: *Оскаль меча рытьми*, греч. *λαχτιζων*¹. Кроме того, неясно, каким образом оформилось данное слово: *рътати* > *рътаць* > *рътацити* или *рътъ* > *рътацити* по аналогии *судачить*, *фордыбачить*, *колпачить* и т. д. Выяснение этих вопросов едва ли возможно без тщательного анализа всего материала, представляемого об этом слове литературным языком и диалектами русского языка. До той поры, думаем, неправомерно признавать бесспорным мнение, считающее слово *артачиться* производным от *рот* < *рътъ*².

Нередко слово обследуется поверхностно, вне его взаимосвязей и опосредствований. Так, начиная с А. Матценауэра слово *печать* связывают с глаголом *печу*—*печь*. Правда, А. Преображенский этимологию *печать* объявил неясной. «Впрочем, — продолжал он, — может быть, возможно отнести к *пекж*, *печати, *печѣти,

¹ Срезневский II, стб. 212.

² «Словарь русского языка», составленный вторым отделением АН, т. I, СПб., 1891, стр. 69; *Vasmer* I, стр. 26; II, стр. 451; «Этимологический словарь русского языка», т. I. А. Автор-составитель М. Н. Шапский. МГУ, 1963, стр. 146 сл.

если вначале оно означало 'тавро, выжженный знак' (ср. А. Matzenauer. LF 12, 1885, стр. 328)³. М. Фасмер также с оговоркой допускает, что *печать*, возможно, относится к *пеку*⁴. Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка», не изучив вопроса, слово *печать* относят к общеславянским, образованным с помощью суф. *-ть* от **pekъti* (<*печати*), являющегося производным к **pekti* — 'печь' (см.). Первоначальное значение — 'выжженный знак, тавро'⁵. Таким образом, что у других авторов было предположительным, здесь на тех же основаниях стало категорическим. При этом авторы не учитывают того факта, что в древности печать носили при себе как знак, удостоверяющий личность, а также привешивали к договорам, грамотам и т. д. как знак неподложности данного документа. В то же время нам ничего не известно, выжигались ли в прошлом с помощью печати тавро.

Не учтено тут и то, что существительные, оформленные с помощью суффикса *-ть*, в прошлом могли образоваться только от непроизводных основ глаголов, куда не входили суф. *-ѣ*, *-а* основ инфинитива, ср.: *зависть* от *завид-(-ѣ-ти)*, *власть* или *волость* от *влад-(-ѣ-ти)* или *волод-(-ѣ-ти)*, *страсть* от *страд-(-а-ти)*, *масть* от *маз-(-а-ти)* и т. д. Ввиду этого предпологаемое образование **печ-а-ть* является невозможным. Ускользнул от внимания авторов и такой немаловажный факт, как наличие в памятниках старославянской письменности совершенно необычной формы глагола *печаткѣти* при *печаткѣ* вместо нормально ожидаемого **печатати*, на что еще в 1957 г. обратил внимание А. Вайян, правда, объяснив происхождение этой формы неправдоподобно⁶. *Печаткѣ(-ти)*, несомненно, восходит к тюрк. *peçetlê* 'запечатать'. Само же слово *печаткѣ* восходит к груз. *bêçedi*, заимствованному и принесенному на Балканский полуостров аспаруховыми булгарами в собственном тюркском произношении **peçêt*. Этим объясняется, что первоначально в памятниках старославянской письменности оно относилось к основам на согласный⁷. Обо всем этом писалось подробно, поэтому нет нужды повторяться здесь⁸.

Вот один из характернейших примеров, когда слово рассматривается изолированно, так сказать, вне истории и круга его взаимоотношений, объясняется его происхождение произвольно. Если этимологизирование слова представляет установление фоне-

³ Преображенский II, стр. 53.

⁴ Vasmer II, стр. 351.

⁵ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 249.

⁶ A. Vaillant. Problèmes étymologiques. — RES, 34, 1957, стр. 138 сл.

⁷ P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik, I. Teil. Heidelberg, 1932, стр. 164.

⁸ А. С. Львов. Старославянское *печаткѣ*—*печаткѣти*. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. МГУ, 1962, стр. 93—103.

тической, словообразовательной и семантической оправданности рассматриваемого слова в кругу родственных слов и образований, то порою ввиду изолированности слова или его особого пути проникновения в данный язык общеобязательные приемы этимологизирования оказываются неэффективными. В таких случаях следует прибегать к вспомогательным приемам (изучению слова в контекстах памятников письменности и диалектном употреблении, анализу реалии, обозначением которого является слово, а также в необходимых случаях — учета исторических, археологических, этнографических и других данных, имеющих какое либо отношение к слову), которые порою могут стать решающими в поисках подлинной истории слова.

Другой пример. С. Младенов слово **коумирь**, -рѣ, относя к прабулгарским, в доказательство своего мнения ссылается на сир. *kumra* 'жрец', арм. *k'urm* 'идолослужитель', фин. *kumartaa* 'кланяться' — все они, по мнению автора, восходят к семит. *kumrā, откуда приведенное армянское, а равно прабулгарское слово⁹.

В памятниках старославянской и церковнославянской письменности слово **коумирь** в начале относилось к основам на -i¹⁰, и употреблялось оно в значении 'статуя' (человека). Неясно: каким образом *kumrā стала звучать как **коумирь** и почему при этом слово стало относиться к основам на -i? На эти вопросы в трудах Младенова ответа нет. На самом деле наиболее вероятным является то, что слово **коумирь** принесли на Балканский полуостров те же аспаруховы болгары, заимствовав его из алано-осет. *gumeri/goymīry* 'великан', 'дубина'¹¹. Этим объясняется звучание начального *g* как *k*, а также нахождение этого слова первоначально в группе основ на -i. Слово это сохранилось и в языке потомков волжских болгар — в чувашском в виде *кўмеркке* 'туловище', 'объем'; *кўмерккелё* 'толстый', 'объемистый'; *кўмертен* 'целиком', 'оптом' и др.¹²

В данном конкретном случае Младенову не доставало строгости в применении принципов этимологического анализа, а также, видимо, ему оставались неизвестными алано-осетинские слова, не говоря о чувашских.

Весьма спорной остается существующая этимология слова **отрокъ**, которым в памятниках старо-славянской письменности переведены греч. ο' παῖς и τὸ παιδίον в значениях 'дитя', 'ребенок' и 'слуга', 'раб'. Последние значения, надо полагать, вызвали

⁹ С. Младенов. Мнимите фински думи в български език. — «Сборник в чест на Иван Д. Шишманов». София, 1920, стр. 87 сл.; Младенов, стр. 262.

¹⁰ P. Diels. Указ. соч., стр. 162.

¹¹ Абаев, стр. 530.

¹² А. С. Львов. К этимологии ст.-слав. **коумирь**, -рѣ. — «Этимология. 1965». М., 1967.

производные формы **отроча**, **отрочишь**. Как известно, слово это признается отглагольным именем, состоящим из приставки *ot(ъ)-* и глагольной основы *rok- < rek-* в значении *puer ist qui dari nequit*¹³ или 'тот, кому отказано в праве говорить'¹⁴. Эти определения значения слова не подкреплены соответствующими фактами из истории славян. Основные недостатки предлагаемой этимологии следующие:

1. Предлагаемая приставка *ot(ъ)-* в слове **отрокъ** и его производных во всех памятниках старославянской письменности выдержанно пишется без *ъ*, в то время как во всех остальных именах подобного образования в тех же самых памятниках старославянской письменности выдержанно пишется *otъ-* с *ъ*, вроде: **отъвѣтъ**, **отъдание**, **отъметаніе**, **отъпоуштеніе**, **отърада**, **отърасль**, **отъречение**, ἀπόφασις; **отърочникъ** παρηχημένος (последнее прилагательное, как видно, образовано от существительного *отърокъ) и т. д.

2. Слова, образованные от глагольных основ, в которые входит приставка *otъ-*, не обозначают и не могут обозначать 'лицо', 'субъект'. Если **отрокъ** — именно указанного типа образование, то это слово может иметь только значение 'отказ' (от чего-либо), 'отговорка', но отнюдь не 'лицо, субъект'.

3. Правда, если то или иное слово является калькой, то оно, вопреки своему составу, может обозначать 'лицо, субъект', как, например, в случаях: **пророкъ** — калька с греч. προφήτης; **неприѣзникъ** (ср.: **приходитъ неприѣзникъ** і **въсхъшштаетъ сѣаное въ срѣдци его** — Мф. XIII, 19, Зогр., греч. ὁ πονηρός) — калька с герм. *Unhold*¹⁵. А. Мейе считал слово **отрокъ** калькой с лат. *infans*¹⁶. Думаем, что Мейе неправ, потому что такая калька могла появиться не ранее IX в., и она обязательно отражала бы обычное написание *отъ-* с *ъ*, так же как и в примерах: **отъречение** (Супр. 482, 17—18), **отърочна** (Л. XIV, 18 Мар.) и др.

4. Возможно еще одно допущение: слово **отрокъ** могло образоваться еще в ту пору, когда в славянских языках, как предполагают, приставка *ot-* употреблялась без *ъ*¹⁷. По всей вероятности, этот период относится ко времени до образования открытых слогов, т. е. к глубокой древности, к заре образования славян. Но тут возникает законное сомнение в существовании в ука-

¹³ Miklosich, стр. 274.

¹⁴ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 47.

¹⁵ И. Вашица. Кирилло-Мефодиевские юридические памятники. — ВСЯ 7, стр. 30; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 198 сл.

¹⁶ A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, стр. 233.

¹⁷ С. Геродес. Старославянские предлоги. — «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 336. Здесь и ссылка на предшествующую литературу.

занное время обычного права, запрещающего кому-либо говорить на вече. Даже для исторической поры развития славян мы не находим зафиксированного подобного обычая и закона. Помимо этого, сомнительно, чтобы в доисторическое, как и в историческое, время образование **ot-rokъ* могло обозначать 'лицо, субъект'.

Не считаться с указанными недостатками существующей этимологии слова *отрокъ* невозможно. По-видимому, данная этимология относится к числу тех, которые установлены по первому впечатлению. Поскольку *отрокъ* обозначает 'лицо, субъект', то вероятно его отношение к существительным, образованным от непроизводных основ глагола с присоединением суф. *-окъ* типа: *кидокъ*, *сѣвѣдокъ*, *ходокъ* и т. д. Что же в таком случае представляет часть слова после выделения суф. *-окъ*? Надо полагать, что и *otr-* состоит из приставки *o-* и глагольного корня *tr-*, этот корень обнаруживается в словен. *trta* 'ивовый прут', 'вица', ср.: *šel je v brezovo goščo trto rezat, da bi zvezal butoro; vinska trta* 'виноградная лоза'¹⁸. Что в *trta* корнем является *tr-*, доказывается и тем, что в значении 'виноградная лоза' она выступает и в форме *trs* из **tr-so*; а также *trš* < **tr-s-jo* 'пень', отсюда *tršak* 'коренастый, крепкий'. Таким образом, словен. *otrok* первоначально имело значение 'побочный росток (побег)', 'побочный стебель', где приставка *o-* выступает в значении направления действия в сторону, так же как в ст.-слав. *оуходити*, ср. *повелѣниемъ твоимъ оуходитъ есь неджгъ* (Син. трб. л. 26 б, 17); *і видѣвъ дѣва корабница. стоѣшта при езерѣ. рѣбари же ошѣдѣше отъ нею. плакаахъ мрѣжа* (Л. V, 2 Зогр.). Обозначение словами, имеющими значение 'отросток', 'отрасль', 'ветвь', также понятий 'отродие', 'порождение', 'поколение' — общеизвестно, ср. для примера: *отростелѣк*, *остротелочек*, *отросток* 'потомок'¹⁹. По указанной причине нет ничего удивительного в том, что словен. *otrok* имеет и значение 'ребенок', правда, ныне оно более употребительно по отношению к так называемому «внебрачному» ребенку²⁰.

Приведенный корень *tr-* не только южнославянский, но этот корень известен и восточнославянским языкам, в которых он закономерно звучал в прошлом как **tър-*, а ныне — как *tor-*, не говоря о западнославянских языках.

В восточнославянских языках слова с корнем *tor* < **tър-* сохранились в значениях 'растение', 'палка', 'сук', 'отросток'; 'потомок'; 'бахрома' (для оторочки), 'лоскуток' и т. д., ср. укр. *торчок* < **tъръккъ* 'растение *Helvella esculenta* Pers.'; *торч*, *-чи* < **tъръць* 'род огорожи: палки из хвороста, укрепленные

¹⁸ P l e t e r š n i k II, стр. 669.

¹⁹ Г-ры Прибалтики, стр. 230; Даль II, стб. 1915.

²⁰ P l e t e r š n i k I, стр. 873.

вертикально'; *торчина* < *tъrъkina 'одна палка из торчи'²¹; русск. *торок* (яросл.) 'решетка, кресла у розвальней'²², т. е. 'палки'; *оторожье* < *o-tъr-og-ie (суф -*og-*, сиб.) 'колья и сучья, чем закладывается берлога при выкуривании медведя дымом'²³; *оторочка*, помимо общеизвестных значений, 'отросток у птиц зимою на пальцах в виде зубчиков, или у других животных в виде волос' и т. д.²⁴; *торчѣк* < *tъr-ъk-ъkъ (олнц.) 'лоскуток'²⁵; *оторонок* < *o-tъr-ъn-okъ (с явлением 2-го полногласия — перм. ~ урал.) 'отрасль семьи, потомок': *Умер без оторонков*²⁶; ср. *оторница* 'корзина из лыка для переноски сена, соломы'²⁷; первоначально, надо полагать, — 'корзина из прутьев'.

Первичным значением корня *tъr/*tъ- должно быть 'пробивать', ср. русск. *торить* 'пробить', 'протоптать'²⁸; *оторить* 'вытоптать', 'продолжить'²⁹; с.-хорв. *otrti, otrem* 'обтереть' 'открыть', 'раскрыть' и другие³⁰.

Думаем, что сказанным объясняется то, что в памятниках старославянской письменности словом *отрокъ* переведено *ὁ παῖς* и *τὸ παιδίον*, а не *τὸ τέκνον*, потому что первые обозначают общее понятие, поэтому же и словом *дѣти* переводилось *τὰ παιδία*, когда речь шла вообще о детях, и *τὰ τέκνα*, когда речь шла о собственных детях, ср.; *вждете чько дѣти* (Мф. XVIII, 3, Мар.), греч. *γένηθε ὡς τὰ παιδία*; *вськъкъ иже остави къ . . . женѣ ли дѣти* (Мф. XIX, 29 Мар.), греч. *καὶ πᾶς ὅς ἀφήκεν . . . γυναῖκα ἢ τέκνα*.

Не вызывает сомнений и обозначение словом *отрокъ* 'слуга', 'раб' потому, во-первых, что греч. *ὁ παῖς* и *τὸ παιδίον* известны и в значении 'раб', а во-вторых, молодыми слугами или рабами бывают чужие, а не собственные дети.

Предлагая свое мнение о составе и первичном значении южно-и частично западнославянского (чехословацкого) слова *otrokъ* в качестве материала для дискуссии, мы ничего не говорим об этимологии этого слова, предложенной К. Мошинским³¹, потому

²¹ Гринченко IV, стр. 277.

²² Мельниченко, стр. 201.

²³ Даль³ IV, стб. 1927; Опыт, стр. 147; С. Гуляев. Этнографические очерки Сибири. — «Библиотека для чтения», 1848, т. ХС, отд. III, стр. 140.

²⁴ «Словарь современного русского литературного языка», 8, стб. 1511.

²⁵ Куликовский, стр. 120.

²⁶ А. В. Миртов. Уральский словарь. — Рукопись Института русского языка АН СССР, № 86; не пронумерована.

²⁷ А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та», вып. IX. Смоленск, 1958, стр. 143.

²⁸ М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. — Сб. ОРЯС XXI, 7, СПб., 1902, стр. 102.

²⁹ Даль³ II, стб. 1927.

³⁰ J. Juranić. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 561.

³¹ См. JP XXXII, 1952, стр. 200 сл.; там же, XXXV, 1935, стр. 133.

Что мы согласны с оценкой, данной этой этимологии Ф. Славским³², не говорим ничего и об этимологии этого слова, предложенной Ф. Копечным, поскольку в данный вопрос он ничего нового не вносит³³.

В этимологических разысканиях нередко приходится считаться с явлениями контаминации, на что в свое время обратил особое внимание Л. А. Булаховский³⁴. В течение долгого времени этимология русского слова *барахтаться* считалась темной или по этому поводу высказывались различные, граничащие с фантазией, предположения³⁵. Почти одновременно по поводу этимологии этого слова за последнее время появились две статьи: В. В. Лопатина³⁶ и наша³⁷. Наконец, в 1965 г. вышел «Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2, Н. М. Шанского, где принята этимология В. Лопатина, а о нашей даже не упомянуто. Здесь читаем: «*Б а р а х т а т ь с я . . .* является возвратной формой к *барахтатъ* (в диалектах еще известного), суффиксальному производному типа *кудахтатъ*, *квохтатъ*, с.-хорв. *бахтати* 'топтать'; 'возиться', чеш. *čvachtat se* (вм. *čvachtati*. — А. Л.) и т. д. от звукоподражательного *барах*»³⁸. Если в действительности существуют звукоподражательные слова типа *кудах*, *квох*, *бах* и т. д. и образованные от них глаголы вроде *кудахтатъ*, *квохтатъ* означают произношение звукоподражательного *кудах*, *квох*, то *барахтатъ*, *-ся* не означает произношения звукоподражательного комплекса *барах*. В связи с этим более чем сомнительным является отношение *барах* к звукоподражательным словам. Глагол, образованный от основы *барах*, как известно, обозначает 'беспорядочные движения телом, руками, ногами, стараясь освободиться, подняться, выплыть' и т. д. или 'бороться', 'драться', 'с силой толкнуть', как это засвидетельствовано в некоторых современных говорах русского языка, а также в рукописях XVII в. Здесь в лучшем случае может быть контаминация или образование глагола *барахтатъ*, *-ся* под влиянием глаголов типа *кудахтатъ*, *квохтатъ*. Но и последнее не бесспорно, поскольку в русских говорах, кроме *барахтатъ*,

³² См. JP XXXIII, 1954, стр. 398 сл.

³³ Ф. Копечный. К этимологии слав. *otrokъ*. — «Этимология. 1966». М., 1968; «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo». Brno, 1966, стр. 51 сл.

³⁴ Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков. . . — «Вопросы теории и истории языка. . .» М., 1952, стр. 239 сл.

³⁵ Vasmer I, стр. 54.

³⁶ В. В. Лопатин. Барахтаться. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II, стр. 139 сл.

³⁷ А. С. Львов. Этимологические заметки. *Барахтаться*. — «Certări de lingvistică. Anul III. 1958. Supliment». Bucarest, стр. 315—318.

³⁸ «Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2. Б. 1965, стр. 41.

-ся, имеются еще такие формы, как *барахнуть*, *барахчатъ*³⁹; *барыхматься* 'бороться', 'сопротивляться'; 'барахтаться'⁴⁰.

Таким образом, одни глаголы образованы непосредственно от основы *барах-*: *барахнуть* 'с силой толкнуть', другие — от *барахч(а)-*, третьи — *барахт(а)-*, *барыхт(а)*, четвертые — *барыхм(а)-*. По всей вероятности, *-та* и *-ма* здесь — именные суффиксы, так же как и в словах *короста*, *пята*, *береста*; *солома*, *косма*, *крома* и проч. Основа же *борох-*, *барах-*, *барых-* восходит к **bъrs-*, о чем свидетельствуют укр. *борсатися* и блр. *борсацца* в тех же значениях, что и русск. *барахтаться*. Звучание **bъrs-* как *борох-*, *барах-*, *барых-* развилось на севернорусской почве в результате перехода *ъr-*, *ьr-* в процессе падения редуцированных в *-oro-*, *-ara-*, *-ary-*; *-olo-*, *-ala-*, *-aly-*, ср.: *молонья*, *маланья* (арханг.), *молынья* (из *мълница*); *тарыжничать* 'торговать' (из *тържъничати*) и т. п.⁴¹ Иначе, **bъrs-* > **bъrъch-* > *борох-*, *барах-*, *барых-*. По этой причине возможно привести к *барахтаться* как соответствия укр. *борсатися*, блр. *борсацца*, а также словц. *brchat'sa*⁴², лит. *burzdėti* 'шевелиться (всем телом), ворочаться, барахтаться'; лтш. *burzma* (просторечн.) 'сутолка, толкотня, толчая' — и все они, бесспорно, одного корня **bъr-s-* 'непроизвольное движение', закономерно разившегося в славянских в **bъr-s-*, **bъr-ch-*, а прибалт. **bur-z-*. Отнесение же *барахтаться* к звукоподражательным по происхождению словам появилось в результате поверхностного подхода к изучению этого слова, поскольку на первый взгляд *барахтать* напоминает глагол типа *кудахтать*.

Однако в ряде случаев у слова не оказывается никаких видимых генетических связей и опосредствований. К таким, в частности, относится ст.-слав. *мѣдь*. Попытки выводить это слово из герм. *smid* 'кузнец', *smīda* 'металл, металлическое изделие' оказались безрезультатными. В. И. Абаев, опираясь на археологические и исторические данные, пришел к выводу, что слово *мѣдь* восходит к названию Мидии, греч. *Μῆδία*, *Μῆδοι*⁴³. Таким образом, как лат. *cuprum* связывается с названием острова Кипр, откуда римляне вывозили медь, так и ст.-слав. *мѣдь*, по мнению

³⁹ Примеры со ссылкой на источники см. в нашей заметке *Барахтаться*, а также: Ф и л и н 2, стр. 109.

⁴⁰ Г-ры Прибалтики, стр. 25.

⁴¹ Подробнее об этом см.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 158 сл.

⁴² Этот словацкий глагол приведен А. Шахматовым в труде, упомянутом в прим. 41 (стр. 160). «Slovník slovenského jazyka», I (Bratislava, 1959) и А. V. I s a ě n k o. Slovensko-ruský prekladový slovník. Prvý diel (Bratislava, 1950) этого слова не фиксируют. Не думаем, что Шахматов мог ссылаться на несуществующее слово. По-видимому, словц. *brchat'sa* — диалектное слово.

⁴³ В. И. Абаев. Опыт этимологии славянского *мѣдь*. — «Языковедские исследования в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 321—328.

В. А. Абаева, связывается с названием страны Мидия, откуда в древности вывозилась медь. И эта этимология пока является единственной из правдоподобных.

Слово **сапогъ**, зафиксированное как южнославянское в памятниках старославянской письменности, а также и поныне являющееся живым словом в русском языке, до сих пор не имеет бесспорной этимологии по той же причине отсутствия к нему каких-либо убедительных соответствий. За последнее время большинство стало склоняться к мнению, что слово **сапогъ** заимствовано из тюркских языков. Так, Ф. П. Филин в рецензии на книгу И. С. Вахроса «Наименование обуви в русском языке» (Хельсинки, 1959) основанием относить **сапогъ** к заимствованным словам считает фонетические изменения этого слова в говорах в виде *запог*, *сабог*, *цапог* и т. п.⁴⁴ Но ведь в случаях утери словом генетических связей в результате контаминации, а также местных диалектных звуковых изменений оно, действительно, принимает различный звуковой облик. О. Н. Трубачев в рецензии на эту же книгу пишет: «В результате пересмотра существующих этимологий И. С. Вахрос окончательно останавливает свой выбор на решении, близком к объяснению К. Менгеса, а именно видит в слове *сапог* тюркизм (ср. тюрк. *sap* 'рукоятка, стебель, голенище', конкретно из др.-тюрк. диал. *sapaγ, *sariγ- (стр. 168). Можно думать, что И. С. Вахрос нашел верное решение»⁴⁵.

Следует иметь в виду то, что в известных изустных заимствованиях из тюркских языков безударный *a* в славянском передается через *o*, ср.: *товаръ* и тюрк. *tavar*, *колпакъ* и тюрк. *kalpak*, *бояр(инъ)* и тюрк. *байар*, *пайар* 'богатый' и др. Эта же звуковая закономерность распространилась и на изустные заимствования из греческого языка, ср. *γράμματά* — *грамота*, *κάρβιον* — *корабль*, *λαχάνη* — *лохань*⁴⁶ и т. д. Однако мы ни в одном памятнике старославянской письменности, а также в древнерусских памятниках письменности до начала падения редуцированных не находим написания *сопáгъ или *сопѹгъ. По археологическим данным, у славян до X в. обнаруживаются только так называемые полусапожки, имеющие голенища не выше голенищ современных ботинок, и эти голенища привязывались к ногам завязками или ремешками пониже лодыжек. Такие же сапожки, по дошедшим до нас данным скульптуры и древней живописи, носили скифы, греки и др. По свидетельству арабских письменных источников, славяне «носят рубахи и низкие сапоги до щиколоток, подобно табаристанским»⁴⁷. Не лишне напомнить и о том факте, что, не-

⁴⁴ «Лексикографический сборник», вып. VI. М., 1963, стр. 170.

⁴⁵ РСИС, 35, стр. 101.

⁴⁶ М. Ф а с м е р. Греко-славянские этюды, II. — ИОРЯС XII, 2. СПб., 1907, стр. 201 сл.; О н ж е. Греко-славянские этюды, III. — Сб. ОРЯС XXXVI. СПб., 1909, стр. 6 сл.

⁴⁷ Л. Н и д е р л е. Славянские древности. М., 1956, стр. 225.

смотря на большую продуктивность в образовании слов в тюркских языках от корня *sap-*, ни в одном из них не зафиксирован в названии обуви, притом еще с аффиксом *-aγ*⁴⁸.

Таким образом, можно констатировать, что и И. С. Вахрос еще не нашел верного решения этимологии слова **сапогъ**. Нами предложено свое объяснение этимологии этого слова. Нам представляется вполне вероятным образование его от корня *sāp-*, встречающегося в говорах русского языка в виде отглагольного существительного *сап* 'конские пута', *сапутъ* (лошадь) 'вязать или путать лошадь, налагая на ноги путы', *засапутъ* 'завязать узлом', польск. *supel* 'узел'. Наличие чередования *ā/u* в корне, так же как и в *chmara/chmura, tune/tani* и т. д., свидетельствует о древнейшем происхождении слов от корня *sāp-/sup-*. **Сапогъ** является образованием, ныне непродуктивным, типа приведенного выше *оторожье, острогъ*, с.-хорв. *talog* 'осадок' от основы глагола *tálitī* 'топить', 'растопливать' и т. п. Первоначально **сапогъ** мог быть видом обуви, привязываемой к ногам ниже щиколоток. Об этом свидетельствует обязательное наличие у упомянутых древних сапог скифов, греков и славян шнурков или ремешков, которыми сапоги прикреплялись к ногам⁴⁹.

В существующих этимологических словарях, на наш взгляд, многие слова необоснованно оказываются в числе общеславянских, в смысле восходящих к праславянскому корню или основе. Так, в числе общеславянских фигурируют **книгы**, **кназь**, **печатк**, **слоуга**, **скарѣд**- и т. п. На основании имеющихся данных можно констатировать, что в памятниках древнерусской письменности весьма редко встречается слово **слоуга** взамен **холопъ** или **отрокъ**, и если встречается, то большей частью в оборотах речи, свойственных памятникам старославянской письменности, вроде: **слоуга божии**, **слоугы церковныя**, **слоуга благодати**, **бѣси** и т. д. Например, в Повести временных лет это слово встречается всего пять раз: два раза — в цитате из Хроники Георгия Амартола, в книжном обороте речи **слоугы бѣси** и в повествовании об убийстве кн. Бориса. Все сказанное не составляет сомнения, что в древнерусском языке не было слова **слоуга**, восходящего к праславянскому наследию, а оно пришло на Русь вместе с церковными книгами.

Слово **кназь** во всех случаях, когда древнерусский памятник письменности XI и начала XII в. отражает живую восточнославянскую речь, пишется без **з** — **кназь**, несмотря на то, что в том же памятнике в остальных словах **з** и **л**, сильные и слабые, употребляются правильно. В частности, это наблюдается в Тмутараканской надписи 1068 г., в послесловии Иоанна дьяка к Изборнику Святослава 1073 г., в грамоте кн. Мстислава около 1130 г. и др.

⁴⁸ Об этом подробнее в нашей статье «**Сапогъ**». «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 71—86.

⁴⁹ Подробнее в статье, упомянутой в прим. 48.

В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку почти на 160 случаев употребления этого слова нет ни одного примера написания кѡнаѡзѡ с ѡ, которое могло бы свидетельствовать, что в оригинале, составленном в конце XI или начале XII в., это слово писалось с ѡ после к. Если бы слово кѡнаѡзѡ в древнерусском языке было праславянским наследием, восходящим к герм. *kunings, оно бы обязательно писалось с ѡ, но, повторяем, этого нет. Показательны в этом отношении еще данные Новгородской первой летописи Синодального списка XIII—XIV вв. Эта рукопись сохранила в огромном количестве данные, свидетельствующие о том, что в языке летописца редуцированные еще были живыми звуками, по крайней мере, в начале XIII в. Вместе с тем в этой рукописи всего три раза находим написание кѡнаѡзѡ, и то только в случаях, когда кѡ- находится в конце строки. В этом памятнике по традиции строку не оканчивали на согласную букву, поэтому к согласной букве, если она оказывалась в конце строки, искусственно добавляли ѡ или ѡ. Этим объясняются такие искусственные написания в этой рукописи, как *ѡропѡзѡ|кѡ* (л. 58 об.), *арѡ|хѡнеп(с)пѡ* (л. 46 об.—47), *соуѡзѡ|далѡци* (л. 19) и т. п. Таким образом, трехкратное написание кѡ|наѡзѡ в рукописи в 169 лл. (= 338 стр.) не может быть принято за отражение на письме произношения **kъn'azъ*. Выдержанное написание кнаѡза без ѡ в текстах, отражающих восточнославянскую речь, может свидетельствовать только о том, что данное слово заимствовано восточными славянами не ранее XI в., в произношении без ѡ в первом слоге. В Супрасльской рукописи из 93 случаев употребления слова кѡнаѡзѡ, кѡнаѡжѡ 83 раза написано без ѡ после к, 3 раза пишется кѡн- и лишь 7 раз — к'наѡзѡ; в Зогра. ев. все 18 раз написано с ѡ и лишь один раз — к'наѡзѡ; в Мар. ев. из 22 раз всего одно написание без ѡ, в Син. пс. все 18 раз с ѡ и т. д. Данные Супр. свидетельствуют, что в Восточной Болгарии в XI в. слово кнаѡзѡ произносилось без ѡ, отсюда, надо полагать, и пришло это слово к восточным славянам.

Слово кѡниѡгы рядом с производным кѡниѡгѡчѡни с явным тюркским суф. -*çi(jъ)* указывает на то, что эти слова принесены на Балканский полуостров аспаруховыми булгарами. Из памятников старославянской письменности слово кѡниѡгы распространилось по всем славянским языкам, поэтому нельзя это слово признавать праславянским заимствованием.

О словах с основой *скарѡѡд-*. В этимологических словарях эта основа признана праславянской и ошибочно пишется с ѣ вместо ѡ. В так называемых классических памятниках старославянской письменности, по крайней мере в евангелиях, псалтыри, праксеостоле, нет слов с указанной основой; *скарѡдоуѡса* впервые встречается в апостоле в Римл. II, 22, читающемся в пятницу 1-й недели всех святых, причем приведенным причастием пере-

ведено греч. βδελυσσόμενος. Чтения апостола с понедельника до пятницы включительно не в страстную и великую недели считаются переведенными в Моравии. **Скарѣдоуѣтъ**, **скарѣдоуѣта** **сѧ** находим в Номоканоне, который, по свидетельству **Жития**, **Мефодий** перевел незадолго до смерти. Прилаг. **скарѣдѣѣ** обнаруживаем в Беседах папы Григория (Двоеслова) на евангелие, переведенных западным славянином⁵⁰. До сих пор в западнославянских языках широко употребительны слова с основой *skarěd-* (из *skarěd-*).

Если обратимся к данным южнославянских языков, то там изредка употребляются слова с этой основой как явные церковнославянизмы. В восточнославянских языках, в украинском и белорусском слова с основой *шкаред-* — явные западнославянизмы, а русские слова с основой *скаред-* известны совсем в другом значении: не 'мерзость', 'гадость', а 'скупец', 'скряга', что можно объяснить появившимся в результате контаминации заимствованного слова со своим с основой *скар-* 'кожа', 'кора'. Словом, данные, подробно о которых публикуем в отдельной заметке⁵¹, показывают, что слова с основой *skarěd-* с давних пор как живые бытуют только в западнославянских языках. Какие же основания в таком случае признавать основу *skarěd-* общеславянской, восходящей к праславянскому источнику?

Говоря иначе, если мы этимологические исследования будем проводить на данных памятников древней письменности, а также диалектной лексике, и при этом каждое слово с спорной этимологией станем изучать во всех его связях и опосредствованиях, не исключая в необходимых случаях исторические, археологические и другие данные, то в результате таких исследований, надо полагать, многое из существующих этимологий будет отвергнуто как ошибочное, вместе с тем обнаружится много новых бесспорных этимологий. Во всяком случае, при этимологизировании нельзя ограничиваться рассмотрением слова изолированно, вне контекста, а в необходимых случаях и вне реалии, для обозначения которой возникло и служит слово.

---

⁵⁰ А. Соболевский. Церковнославянские тексты Моравского происхождения. — РФВ 1900, № 1—2, стр. 150 сл.; F. V. Mareš. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehoře Velikého (Dvojeslova). — «Slavia», XXXII, 3, 1963, стр. 417.

⁵¹ А. С. Лъвов. О словах с основой *skarěd-* в славянских языках. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 149—153.